

Зверя, заключённого в его сердце, спустили с цепи. Когда кровь залила его глаза, всё вокруг покраснело. В его голове стучало так, словно кто-то втыкал в неё иглы. Его забытое подсознание пробуждалось в другой форме. Когда животный инстинкт взял верх над человеческим, в его сознании всплыли разрозненные воспоминания. В его прошлом была ночь, которая была такой же красной, как эта. Он не мог сказать, кровоточили ли его глаза или мир был окрашен в красный. Тела знакомых лежали скрюченными в уродливых позах, кровь распускалась, как цветы, на их открытых ранах. Юный Хань Фэй где-то прятался, в то время как приют под кровавой луной скрывался, как остров в Красном море.

[Уведомление для игрока 0000! Ваше значение Рассудка находится на чрезвычайно низком уровне! Пожалуйста, восстановите его соответствующим образом!]

Голос робота привёл Хань Фэя в себя. Он глубоко вздохнул, и мгновенно боль пронзила его тело.

'Когда заработал талант Полуночного мясника, мой мозг, казалось, активировал вместе с ним какие-то подавленные воспоминания. — Хань Фэй знал, что его значение Рассудка было определено системой равным 100, в то время как у обычного игрока было только 10, но даже в этом случае система должна была предупредить его, что значение Рассудка упало слишком низко.

'Чёрный ящик, похоже, соединился с моей памятью, я не знаю, хорошо это или нет'.

Часть воспоминаний по какой-то причине подавлялась, но теперь они могли восстановиться в загадочном мире.

В любом случае, действия Хань Фэя становились все более дикими по мере того, как улучшалось его телосложение. Одной рукой он несколько раз вонзил "Покойся с миром" в стенки "кишечника", в то время как его другая рука, из которой торчали шипы Большого Греха, проникла глубже в рану. Хань Фэй лично испытывал яд души Большого Греха раньше, и, кроме него самого, никто не смог бы выдержать этого воздействия. Токсин был мощным и нес с собой тяжелую ауру бед. Яд также быстро распространялся.

Человеческие лица на стенке потемнели. Они были не настолько сильны, их просто было слишком много. Яд души распространялся по человеческим лицам. Поначалу заражение было медленным, но после постоянных ударов, Яд Души распространился подобно лесному пожару. Чёрные лица начали трескаться. Выражение их лиц исказилось от боли, и они перестали прижиматься к Хань Фэю. Чудовище с языком намеревалось проглотить Хань Фэя и превратить его в одно из лиц, не зная, что еда до упора была накачана ядом.

Чем ниже становились жизненные очки Хань Фэя, тем радостнее становился Большой Грех. Его владелец скоро должен был умереть, и этот день стоило отпраздновать. Ему хотелось быть рядом с Хань Фэем, разделить с ним эту радость. Кровавый узор на руке Хань Фэя стал ярче. Очертания тела Большого Греха стали более отчётливыми. Он изо всех сил старался выползти из кровавого узора, но, вероятно, из-за того, что он все еще находился на самой ранней стадии развития, он еще не знал, как полностью контролировать свои силы. Часть его Душевного яда попала в тело Хань Фэя.

Хань Фэй чувствовал радость Большого Греха и даже не знал, что сказать. Не каждый смог бы оценить радость такого уникального питомца. По мере того, как Яд Души проникал в тело монстра, тот не хотел поглощать Хань Фэя, во всяком случае, он хотел выплюнуть этот опасный предмет из своего желудка. Все человеческие лица втянулись обратно. Хань Фэй карабкался

вверх так быстро, как только мог. Он обвязал красной цепью себя и старика. Прежде чем он лишился сил, ему удалось выползти изо рта. Ворвавшись в шкаф, Хань Фэй оттащил мужчину и выпрыгнул наружу. Они оба рухнули на землю, покрытые ранами.

Старик был в порядке. Благодаря защите окровавленной одежды и тому факту, что он не был основной целью монстра, он был лишь слегка ранен. Хань Фэю повезло меньше. Его форма охранника стала ещё более изодранной. Проклятое сознание, оставшееся внутри униформы угасало.

Хань Фэй повернулся к своей руке. Кровавые узоры на нем выглядели такими же яркими, как кровь, аура Большого Греха ощущалась отчетливо. Его очки жизни уже достигли самого дна. Хань Фэй достал из своего инвентаря свиные сердечки, которые приготовила Сюй Цинь, и с жадностью принялся за них. Благодаря таланту Прожорливости от Полуночного мясника, его жизненные очки, наконец, немного выросли.

'Это было слишком близко.'

Хань Фэй обессиленно лежал на земле, пока Большой Грех поглощал яд Души из его тела. У него появилось новое понимание личности Большого Греха: чем ближе он становился к смерти, тем счастливее был бы Большой Грех. Он любил смерть и предпочитал держаться поближе к тем, кто отмечен ей. Однако он также не хотел, чтобы Хань Фэй умер, потому что, он просто не нашел бы нового владельца, который сталкивался со смертью так же часто.

'Я даже не знаю, что сказать!'

Немного придя в себя, Хань Фэй подошел к чудовищу. Только когда Хань Фэй выбрался из его желудка, он понял, что монстр похож на шкаф. Всё, что он видел ранее — это внутренности чудовища. Монстр, замаскированный под шкаф в шкафу, это место умело удивлять.

— Держись от него подальше. — предупредила женщина. Когда она увидела, как Хань Фэй вывалился из шкафа-монстра ранее, она вновь обрела веру в чудеса.

— Наш друг проснулся недалеко отсюда, значит, выход, скорее всего, где-то здесь. Существование этого монстра тоже не должно быть совпадением. Должна быть причина, по которой он скрывался здесь. Теперь, задумавшись, человеческий кишечник тоже является своего рода проходом, может ли выход быть спрятан в желудке монстра? — поинтересовался Хань Фэй.

— Ты здесь уже долго бродишь, когда-нибудь видела настоящий выход?

— Нет, только монстров.

— Тем больше оснований полагать, что я, возможно, прав. Хань Фэй не хотел так легко сдаваться. Он использовал цепь, чтобы обмотать ее вокруг своего тела, а затем протянул руку, где прятался Большой Грех, к дверце шкафа. Толстые языки вывалились изо рта. Но по сравнению с прошлым разом языки почернели и сгнили. Языки слабо шевельнулись в сторону Хань Фэя. Последний с легкостью уклонялся от вялых ударов и использовал открывшийся момент для контратаки. После отрезания 7 языков рот перестал вырабатывать их в большом количестве.

— Похоже, его отравили! — Женщина уставилась на почерневшие зубы монстра и потрясенно ахнула.

— Этого всё равно недостаточно. — Хань Фэй приблизился к шкафу и протянул руку с Большим грехом в рот. Он рассёк руку зубами монстра и скормил ему свою отравленную кровь. Шкаф не мог пошевелиться, после того как его пытали в течение часа, почерневшие зубы расшатались, а вопли внутри 'кишок' затихли. Хань Фэй просунул голову в пасть чудовища. Стенки "кишок" покрылись волдырями от чёрной крови, а человеческие лица стали неразличимым месивом.

— Теперь там должно быть безопасно. — Хань Фэй достал "Покойся с миром" и снова забрался в желудок монстра-шкафа. Пока женщина и старик в шоке наблюдали за происходящим, Хань Фэй прыгнул в пасть. Он использовал "Покойся с миром", чтобы вырезать ступеньки на стенке кишечника. Монстр-шкаф вообще не сопротивлялся, вероятно, потому, что был уже мёртв. Хань Фэй успешно добрался до глубин 'кишечника'. Это было полностью замкнутое пространство, и, к удивлению Хань Фэя, в конце 'кишки' оказалась ещё одна дверца шкафа.

Та выходила наружу, и Хань Фэю казалось, что он находится внутри настоящего шкафа. Он попытался толкнуть её, но та оказалась заперта. Нагнувшись, Хань Фэй прислонился к дверце и выглянул наружу. За ней была обычная на вид спальня. Там стояла двуспальная кровать и стол. Шкаф стоял лицом к кровати.

— Это и есть выход?

<http://tl.rulate.ru/book/61445/3366384>